

13. *Шипилов А.Д.* Русская провинциальная историография XIX– начала XX в. Костромская школа // КГУ им Н. А. Некрасова. – Кострома, 2007. – С. 99.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 775 (собрание А. А. Титова). – Д. 3641, 3951, 3965, 3966, 4008.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 775 (собрание А. А. Титова). – Д. 3943, 3947, 3986, 3987, 3988.
16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 775 (собрание А. А. Титова). – Д. 3986, 3987, 3988.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки ОЛДП. – Ф 60. – Ф. 775 (собрание А. А. Титова). – Д. 3990.
18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 775 (собрание А. А. Титова). – Д. 3952.
19. *Шипилов А.Д.* Русская провинциальная историография XIX– начала XX в. Костромская школа / КГУ им Н. А. Некрасова. – Кострома, 2007. – С. 110.
20. *Диев М. Я.* Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. – М., 1892.
21. *Титов А. А.* Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву: 1830–1857 // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1887. – Кн. 1. – С. 3–4.
22. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 775 (А. А. Титов). – Д. 4666. – Л. 12.
23. *Шипилов А. Д.* Русская провинциальная историография XIX – начала XX в. Костромская школа / КГУ им Н. А. Некрасова. – Кострома, 2007. – 544 с.

УДК 262.12(092)

Иерей Дмитрий Трифионов,
Костромская духовная семинария, г. Кострома

Priest Dmitry Trifonov,
Kostroma theological seminary, Kostroma

ierej_dmitrij@mail.ru

**ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ (ГЛУХАРЕВ)
КАК РЕКТОР КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

**THE MONK MAKARIJ (GLUKHAREV)
AS RECTOR OF THE KOSTROMA THEOLOGICAL SEMINARY**

В настоящей статье описывается костромской отрезок жизни известного подвижника и миссионера преподобного Макария (Глухарева). В период с 1821 по 1824 гг. преп. Макарий был ректором Костромской духовной семинарии. Именно в Костроме о. Макарию пришлось проводить в жизнь осуществлявшуюся тогда реформу духовного образования, которая далеко не всегда легко принималась на местах.

This article describes the Kostroma segment of the life of the famous ascetic and missionary Saint Macarius (Glukharev). In the period from 1821 to 1824. Rev. Macarius was the rector of the Kos-

troma Theological Seminary. It was in Kostroma about. Macarius had to carry out the reform of spiritual education that was being carried out at that time, which was not always easily accepted locally.

Преп. Макарий (Глухарев), Костромская духовная семинария, реформа духовного образования.

Interrupt. Makariy (Glukharev), Kostroma Theological Seminary, Theological Education Reform.

Михаил Глухарев родился 8 ноября 1792 года в семье священника соборной церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы г. Вязьмы Смоленской губернии. Первоначальное очень хорошее образование Михаил получил от отца, окончившего полный курс духовной семинарии, что в те времена было редкостью [1]. Отец Иаков настолько хорошо подготовил своего сына по латыни, что в семилетнем возрасте мальчик мог заниматься переводом с русского языка на латинский. При такой подготовке, в 1800 году его сразу определили в третий класс духовного училища при Предтеченском монастыре г. Вязьмы [2].

Через три года за отличные успехи Михаил Глухарев из Вяземского духовного училища был переведен в Смоленскую духовную семинарию, после успешного окончания которой в 1813 г. определен учителем в Смоленское духовное училище. При образовании второго курса Петербургской духовной академии по Синодальному указу от 22 мая 1814 года, из Смоленской семинарии в числе двух лучших учеников были отправлены Захарий Смирягин и Михаил Глухарев, которые после успешного испытания были на него зачислены. Михаил Глухарев имел глубокие знания по богословию, истории, географии, владение латинским, немецким, французским, древнегреческим, и древнееврейским языками, резко отличали его среди сокурсников. Закончил он курс академии 10-м магистром; особо выделялись его письменные работы. Был он замечен и ректором академии архимандритом Филаретом (Дроздовым), который так любил талантливого воспитанника за его благочестие, высокую и добрую нравственность, что всю жизнь был духовным наставником и покровителем о. Макария. Преподобный Макарий также до конца своей жизни сохранил преданность своему учителю [3].

На 27 году жизни – 24 июня 1818 г. у Михаила Глухарева произошло событие, которое резко изменило всю его дальнейшую жизнь. Он был пострижен в монашество в домовый архиерейской церкви, получив имя Макария, 25 июня 1818 года он был рукоположен в иеродиаконы, а еще через три дня – 28 июня – в иеромонахи. В Екатеринославе Макарий прослужил до весны 1821 года, когда в ответ на его прошение об увольнении указом Священного Синода от 20 февраля 1821 года был назначен ректором Костромской семинарии. На эту должность он был назначен, как позднее писал его духовный наставник митрополит Филарет: «по своей воле, по нетерпеливости, по неудовольствию видеть свою личность меньше своего места» [4].

Одновременно с назначением на должность ректора семинарии, отец Макарий был возведен в сан игумена, затем архимандрита и получил в управление Костромской Богоявленский монастырь. В Костроме о. Макарию пришлось проводить в жизнь осуществлявшуюся тогда реформу духовного образования, которая далеко не всегда легко принималась на местах. Чтобы полноценно по-

нять те обстоятельства, при которых преп. Макарий возглавил духовную школу, необходимо разобраться в сути данной реформы.

С момента зарождения Академий и составления Духовного регламента (1721 г.) и до начала XIX века появилась целая сеть духовно-образовательных учреждений [5]. Но внимание на государственном уровне было устремлено на внешнюю часть организации учебного дела в России, внутреннее содержание оставляло желать лучшего. Пребывание духовных школ в хаотичном порядке и не имевшей строгой организации, крайне сильно требовали пересмотра и реформации. Архаичные порядки, непосредственное подчинение у епархиального архиерея, отсутствие учителей с высоким образовательным цензом мало способствовали развитию духовно-учебного дела, не давали встать ему на ноги, оставляя по-прежнему на очень низком уровне [6]. К середине XIX столетия очень яркой стала «идея Академии», проблемы необходимо было решать при помощи слаженных действий через приведения к централизованной духовно-учебной системе. Если к началу того же века при Александре I уже была проведена реформа, в ходе которой духовные школы разделились на три ступени, то немного позднее она расширилась по нескольким направлениям [7]. Также, после реформации 1804 года, когда были уже определены основные пути направления развития, духовные Академии необходимо было подчинить четырем идеям, главной из которой являлось создание научного центра, по аналогу Российской академии наук, в которую богословие включено так и не было.

Второй идеей было включение в модель духовного образования некоторых университетских черт. При этом акцент делался на включение в состав духовных Академий «всех наук, духовному чину потребных», т. е. непосредственно связанных со служением [7].

Третья идея предполагала разделить учебный процесс на общеобразовательный процесс и нравственное воспитание. Молитва, богослужение неразрывной связью связывалось с образованием, хотя и предполагало разделение, было как единое целое, непременно сказывающееся на духовном формировании и воспитании личности.

Четвертой идеей было профессиональное устремленность обучения. Академии должны были стать центрами духовной учености, предполагавшее введение ученых степеней, но последний факт воспринимался не просто, не многие понимали, как можно измерить и оценить степень духовной учености. Так, Филарет (Дроздов) писал: «...когда в Церкви оскудели учителя, тогда явились доктора, профессора и бакалавры. Дух Евангельский, подобно как спирт, стал измеряться градусами» [8]. Хоть о богословии как о науке говорили очень широко, но, тем не менее, как таковой, богословия как науки в России все еще не было, исследования не велись, научных трудов предоставлялось мало, наряду с большим ростом ученых степеней, что вменялось в вину Академиям, которые только плодили все новых и новых докторов и магистров, при этом не делая ничего в развитии научной деятельности, что стирало мотивацию заниматься наукой. Отсутствие научных руководителей, система лишь лекционного образования затрудняли не только возможность передачи личного опыта преподавателей воспитанникам, но и сам интерес. Претензии приходили и извне. Стремим-

тельное развитие светской науки, появление новых теорий в естественных науках, требовали богословской оценки, но таковой не получали [7, с. 144].

Таким образом, весь процесс снова требовал пересмотра концепции высшей духовной школы. Придумать методы поощрения научной деятельности, создание объединенных духовно-учебных и научнобогословских центров. Решение проблемы видели в новом Уставе 1869 года, который действительно радикально изменил все стороны жизни духовной Академии, но как выяснится позже, опять ненадолго. По данному уставу отныне разрешалось быть докторам богословия мирянам, которые составляли подавляющее большинство преподавателей, имеющих научные степени. Хотя это и свидетельствует о росте активности и интереса к научной деятельности, но идеи 1814 г., идеи пастырского воспитания и духовной школы, заметно ослабели, как плод обмирщения преподавательского состава. На первое место ставилось важность для Церкви развитие богословской науки, что повлекло к повсеместным изменениям в образовательном процессе. Так, теперь появилось понимание «свободы обучения», свойственное светским университетам [7, с. 147]. Воспитанники могли самостоятельно выбирать отделения и группы предметов на выпускном курсе, перспективы научных командировок, организация музеев, научных конкурсов, и возможность преподавателям свободно и самостоятельно составлять собственный план обучения, а также, появление новой формы обучения, характерной для классического университета – семинаров, также мотивировали занятие научной деятельностью [9]. Молодой пастырь и руководитель оказался в сложной, изначально конфликтной ситуации. Мы подходим здесь к непростой, во многом деликатной теме, касающейся взаимоотношений архим. Макария как с церковными властями, так и с находившимися под его непосредственным начальством педагогами. Не все складывалось гладко. Архим. Макарий не был «удобным», «компромиссным» человеком. Весьма симптоматичен отзыв епископа Костромского Самуила (Запольского) об о. Макарии: «При строгой, прямо монашеской жизни и честном поведении часто примечается задумчивым, часто вспыльчивым. Подвержен частым припадкам. Крайне слабогласен. К продолжению должностей впредь кажется малонадежным» [10]. Достаточно жесткая характеристика, данная с позиции администратора. И другая, где о нем вспоминает его бывший ученик в Костромской семинарии, архиепископ Казанский Афанасий (Соколов) – позже их пути пересекутся в Сибири уже как правящего архиерея и клирика: «Моей душе он всегда присущ как наставник, из уст которого лились сладчайшие речи и в семинарии, и в его келии, куда он нередко призывал меня, юного богослова, для научения, обличения и усовершенствования в истине и правде и для принятия повеления произносить его собственные проповеди в церкви вместо него самого, по причине крайней слабости его голоса; но вечное место в душе моей он имеет наипаче потому, что духовная жизнь его при учении удерживала меня, 19–20-летнего, на путях Господних. Истину говорю, полный благодарения Господу, даровавшему мне такого наставника в юности моей...» [11]. Но уже в конце 1825 г. был уволен на покой в Киевскую Лавру с магистрским окладом. К этому времени здоровье отца архимандрита было так подорвано, что он не мог продолжать деятельность на

своим прежнем поприще. В 1826 г. он переводится в Глинскую Богородицкую пустынь, что в Курской епархии. Это было желание самого архимандрита Макария, который, прослышав о духовных подвигах настоятеля пустыни игумена Филарета (Данилевского) пожелал стать ее учеником.

«Неудивительно, – говорится в Глинском патерике, – учиться неопытному у опытного, неученому – у ученого, но удивительно, когда опытный и ученый человек идет под начало учиться у неученого и младшего себя саном. Это случилось с отцом Макарием. Он, блистательно окончивший Духовную академию, хорошо изучивший языки, магистр богословия, бывший ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Богоявленского монастыря, профессор богословских наук, в сане архимандрита переходит в бедную глухую Глинскую пустынь, под руководство неученого, но опытного в духовной жизни отца Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Какая великая редкость не только в настоящее, но и в религиозное время! Не имей отец Макарий ранее наставников на путь спасения, такой подвиг его не выходил бы из ряда обыкновенных. Но ученый архимандрит с молодости и до последнего времени постоянно был под руководством: сначала у своего благочестивого родного отца – священника, потом, в Санкт-Петербургской духовной академии у отца ректора архимандрита Филарета (Дроздова), впоследствии незабвенного митрополита Московского, которому «открывал свои помыслы и без воли его ничего не начинал» [1]. Таким образом преподобный Макарий предпочел свою ученость практическому умному деланию.

Скончался преподобный 18 мая (по ст. стилю) 1847 года в Болховском монастыре. Был похоронен в монастырском соборном храме по правую сторону алтаря [3, с. 89]. В 1983 году преподобный Макарий причислен к лику святых и его имя внесено в Собор Сибирских святых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии. – М., 1899.
2. *Филимонов Д. Д.* Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария. – М., 1888.
3. *Харлампович К. В.* Архимандрит Макарий Глухарев: По поводу 75-летия Алтайской миссии. – СПб., 1905.
4. *Филарет (Дроздов)* Свт. Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского к высочайшим особам и другим разным лицам. – Тверь, 1888. – С. 107.
5. *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. – Вильна, 1908. – Вып. 1. – С. 6.
6. *Лаптун В. И.* Государство и Русская Православная Церковь в поисках путей реформирования духовной школы в России в начале XIX в. / Нац. исслед. Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2005. – С. 112–117.
7. *Сухова Н. Ю.* «Идея академии» в подготовке и проведении духовно-учебных реформ XIX – начала XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – Вып. 2(6). – 2013. – С. 138–154.
8. *Святитель Филарет (Дроздов)* Письмо к священнику Г.Г. Пономареву от 26 февраля 1812 г. // Избранные труды, письма, воспоминания. – М., 2003. – С. 658.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 797. – Оп. 37. – От. 1, ст. 2. – Д. 1. – Л. 423.
10. Письма Филарета, митр. Московского и Коломенского, к Высочайшим особам и разным другим лицам. – Тверь, 1888. – С. 109–112.
11. *Схиархимандрит Иоанн (Маслов).* Глинский патерик. – М., 1997.